

УДК 378:94"1917/1921"(477)

Д. В. Подлесный

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Резюме

Статтю присвячено дослідженню основних напрямів радянської політики в галузі реформування вищої школи України в період Революції та Громадянської війни. Автор доходить висновку, що радянські перетворення мали системний характер та повністю змінили обличчя вітчизняної вищої освіти.

Summary

The article discusses the main trends of the Soviet policy of reforming Ukraine higher school during the revolution and the civil war. The author arrives at the conclusion that the Soviet reorganization was of a systemic character that radically changed the country higher school.

Ключевые слова: высшее образование, советская власть, партия большевиков, революция, гражданская война, реформы, профессорско-преподавательский состав, пролетаризация, профессионализация.

С конца 1990-х годов отечественная высшая школа находится в состоянии перманентной реорганизации, которая приобрела характер широкомасштабного эксперимента в области модернизации образовательных систем. Тем не менее этот эксперимент до сегодняшнего времени не дал ответа на главный вопрос – вопрос о выборе оптимальных стратегии и тактики построения эффективной и конкурентоспособной высшей школы в условиях современной Украины. Среди главных причин этого необходимо отметить отсутствие опоры на предыдущий опыт развития высшего образования, приобретенный в переломные моменты отечественной истории, к которым относится и период 1917–1921 годов.

В то же время анализ историографии позволяет говорить о некоторой однобокости освещения образовательных реформ революционного периода в трудах современных отечественных ученых.

Уделяя основное внимание соответствующей политике национальных правительств, они совершенно незаслуженно обходят деятельность общероссийских движений, в том числе и большевиков, которые в период 1917 – начала 1921 гг. провели ряд широкомасштабных преобразований высшей школы, заложивших основу советской системы образования, считавшейся одной из лучших в мире. Более того, с начала 1990-х годов вокруг изучения советских реформ сложилась во многом парадоксальная ситуация, когда отсутствие потребности в исследовании культурно-образовательной политики большевиков обосновывается достаточным освещением в советской историографии, которая одновременно обвиняется в необъективности и антинаучности. Таким образом, можем утверждать, что необходимость проведения комплексного анализа советских преобразований высшей школы 1917–1921 гг. давно назрела в современной исторической науке.

Переходя к рассмотрению вопроса, которому посвящена статья, важно отметить, что как советская, так и современная историография ведут отсчет советских реформ высшего образования с начала 1919 г., когда состоялся второй приход большевиков в Украину [1, с. 44; 2, с. 117]. Что же касается первого установления советской власти в декабре 1917 – феврале 1918 г., то в этот период здесь не проводилось системных преобразований высшей школы. Последнее связано не столько с краткосрочностью пребывания первого советского правительства Украины у власти (на чем делает акцент большинство ученых), сколько с тем, что на тот момент партия большевиков не имела четкого плана реформирования системы образования бывшей Российской империи. Стоит лишь упомянуть о том, что Комиссия по реформе высшей школы при Наркомате образования РСФСР была создана в конце марта, а первый декрет Совнаркома в этой области вышел в августе 1918 года [1, с. 40–42]. То есть в данной статье речь будет идти о преобразованиях второго и третьего этапов установления советской власти, которые, соответственно, приходились на январь – июль 1919 г. и декабрь 1920 – март 1921 г. (последняя дата обуславливается подписанием Рижского мира, который подвел официальный итог Гражданской войны в Украине).

Анализ фактического материала позволяет утверждать, что одним

из доминирующих направлений советской политики в сфере высшего образования стала пролетаризация вузов, курс на которую активно воплощался в жизнь не только в период Гражданской войны, но и на всем протяжении существования СССР. Соответствующая цель была очерчена в принятой весной 1918 г. программе РКП(б), где, в частности, говорилось о необходимости предоставления доступа к высшему образованию представителям всех слоев общества (прежде всего, пролетариата и крестьянства) [1, с. 39]. На территории Украины этот процесс начался в 1919 году. При этом важной предпосылкой проведения соответствующих преобразований стала возможность Временного рабоче-крестьянского правительства Украины опереться на практические наработки в этой области, которые на протяжении 1918 г. были апробированы в Советской России. Доступ к высшему образованию представителей низших слоев населения, которые составляли основу социальной базы большевиков, были призваны обеспечить принятые в марте 1919 г. Конституция УССР и декрет Совнаркома УССР «О приеме в высшие учебные заведения». В вышеназванных документах были закреплены отмена оплаты за обучение и право на поступление в вузы для всех лиц, достигших 18 лет независимо от наличия среднего образования (приемным комиссиям запрещалось требовать какие-либо документы или дипломы, кроме удостоверения личности) [2, с. 120–122]. Проблему отсутствия у поступающих в вузы необходимого уровня подготовки предполагалось решить путем создания подготовительных курсов для рабочих (так называемых нуль-семестров, ставших предшественниками рабфаков), которые летом 1919 г. были открыты во всех университетских центрах Украины [1, с. 50–51].

В 1920 г. процесс пролетаризации высшей школы вышел на новый качественный уровень, который состоял в нормативном закреплении вступительных привилегий для представителей рабочего класса. 8 мая Наркомат образования Украины издал инструкцию, согласно которой в вузы должны были в первую очередь приниматься трудящиеся и их дети. Продолжилось и создание подкурсов, которые в 1920 – начале 1921 г. функционировали не только в университетских центрах, но и в уездных городах [1, с. 56; 3, л. 5, 10].

Советская историография оценивает процесс пролетаризации высшей школы исключительно позитивно, акцентируя внимание на том, что соответствующие шаги коммунистической партии предоставили возможность для получения высшего образования выходцам из всех слоев населения и, соответственно, способствовали демократизации общества. С этим тезисом, действительно, трудно не согласиться. Однако существует и обратная сторона медали. Ведь пролетаризация предполагала поступление в вузы значительного числа лиц, не обладающих необходимыми учебно-научными компетенциями (естественно, введение нуль-семестров не могло стать выходом из ситуации, поскольку трехмесячные подкурсы не шли ни в какое сравнение с гимназией или реальным училищем), что ставило под угрозу полноценную реализацию учебного процесса, а, следовательно, и качество высшего образования. Такой вывод полностью подтверждается фактическим материалом. Согласно данным статистики, процесс пролетаризации обусловил более чем двукратный рост студенческого контингента (с 27 тыс. в 1914 г. до 57 тыс. в конце 1920 г.), однако в то же время значительная часть (а иногда большинство) лиц, поступивших по новым, облегченным, правилам, лишь формально носила звание студентов и вскоре покинула вузы. Так, в созданную на базе Харьковского университета Академию теоретических знаний летом 1920 г. было принято 2 тыс. человек, из которых по состоянию на февраль 1921 г. осталось лишь 10% [4, с. 305]. Не намного лучшей была и статистика технических вузов (в частности, на химическом факультете Киевского политехнического университета в 1921 г. занятия посещали лишь немногим более 20% студентов) [1, с. 60].

Вторым важным направлением советского реформирования отечественной высшей школы стала ее профессионализация, курс на которую был принят в начале 1920 года. Как подчеркивалось в резолюции IX съезда РКП (б), «все силы Наркомата образования необходимо направить на широкую популяризацию естественнонаучных и технических знаний, на организацию профессионального образования всех типов и разрядов» [1, с. 53]. Как показывают факты, советское руководство Украины безапелляционно приняло эту линию. Более того,

новоназначенный Нарком образования УССР Г. Ф. Гринько, ярый приверженец так называемой американской системы, начал реализацию собственного курса на профессионализацию образования, который был гораздо радикальнее соответствующих мер, предпринятых в Советской России.

24 февраля 1920 г. вышла Временная инструкция губернским отделам народного образования, в которой местным органам власти настойчиво рекомендовалось наладить обучение в технических и медицинских вузах и в то же время ликвидировать старые юридические и историко-филологические факультеты [1, с. 55]. Этот документ положил начало одному из наиболее радикальных и противоречивых советских экспериментов в сфере реорганизации высшей школы – ликвидации классических университетов. Весной этого года от университетов были отчуждены юридические и медицинские факультеты, на базе которых создавались самостоятельные учебные заведения – Институты народного хозяйства и Мединституты. Остальные факультеты в июле 1920 г. были объединены в институты народного образования (ИНО), которые стали главными преемниками университетов (на базе Харьковского университета была создана Академия теоретических знаний, которая была реорганизована в ИНО только в апреле 1921 г.) [4; 5; 6].

Факт ликвидации университетов вызывает неоднозначные оценки в историографии. Хотя заведомая ошибочность такой меры Наркомата образования УССР признавалась еще в советский период [6, с. 89], некоторые современные авторы, например, С. В. Майборода, в целом позитивно оценивают политику наркома Г. Ф. Гринько и его заместителя Я. П. Ряппо, как попытку создания самостоятельной, отличной от российской, системы образования Украины [2]. Анализ фактического материала позволяет нам, все же, не согласиться с последней точкой зрения. Ликвидация классических университетов, которые с середины XIX ст. имели статус главных научно-образовательных и культурных центров Украины, нанесла серьезный удар по ее интеллектуальному потенциалу. При этом тезисы Наркомата УССР о «консервативности и реакционности» университетского образования и, соответственно, его несовместимости с установ-

лением советской власти, убедительно опровергаются примером Советской России, где университеты были сохранены.

Одновременно с ликвидацией классических университетов курс на профессионализацию образования предполагал обеспечение бесперебойного функционирования специализированных вузов, прежде всего, медицинских и технических. Это нашло отражение в материальной поддержке со стороны государства, милитаризации высшей школы (за счет которой преподаватели и студенты получили возможность получать армейские пайки), ускоренном выпуске специалистов инженерных, медицинских и сельскохозяйственных специальностей [1, с. 59–60; 7, с. 43; 8, л. 2].

Наконец, третьим ключевым направлением советских преобразований, без которого была бы невозможной реализация двух предыдущих, стало установление контроля над деятельностью высшей школы, которая до 1917 г. пользовалась достаточно широкой автономией. Актуальность этого курса усиливалась вследствие неприятия советской власти вузовской элитой страны, которая в силу своего мировоззрения и социального статуса поддерживала кадетскую партию. Уже в 1917 г. ведущие вузы Украины в той или иной форме выразили свой протест относительно захвата власти большевиками, а в дальнейшем оказывали поддержку главным оппонентам советской власти – Центральной Раде, Гетманату П. Скоропадского, Добровольческой армии [4; 5; 6; 7].

Согласно постановлению отдела высшей школы Наркомата просвещения УССР от 11 марта 1919 г. решающие полномочия по управлению вузом переходили к комиссару, назначавшемуся тем же отделом высшей школы (соответственно, должности ректора и проректора упразднялись) [2, с. 120–122, 125–126]. Как и большая часть других мер советского правительства Украины, введение должности комиссара не может быть оценено однозначно. С одной стороны, в чрезвычайных условиях Гражданской войны установление государственного контроля над функционированием вузов и, соответственно, ограничение их автономии выглядело вполне целесообразным и оправданным шагом. С другой – на должности комиссаров украинских вузов были назначены лица, которые априори не были

способны управлять высшим учебным заведением – прежде всего, студенты [4; 7]. Установлению контроля над деятельностью вузов должны были способствовать и радикальные, часто репрессивные, меры по отношению к профессорско-преподавательскому составу, однако, как показали дальнейшие события, это привело к массовому переходу вузовских работников в лагерь белого движения летом-осенью 1919 года. Последнее, равно как и необходимость обеспечения функционирования вузов в условиях последнего этапа Гражданской войны, который характеризовался системным кризисом всех сфер общественной жизни, стало причиной определенного смягчения политики большевиков в данном направлении. После третьего прихода советской власти в вузы вернулись комиссары, которые, однако, разделяли административные полномочия с ректоратами. Также были реализованы меры по возвращению профессорско-преподавательских кадров, которые по идеологическим мотивам покинули вузы [4; 7]. Эта задача значительно упрощалась вследствие того, что большинство дореволюционной профессуры в 1920–1921 гг. разуверилось в возможности свержения власти большевиков и проявило готовность к сотрудничеству с ними. Наглядным примером такого обоюдного согласия может служить тот факт, что ректором Харьковского технологического института в январе 1921 г. был назначен профессор И. А. Красунский, в свое время покинувший город с Добровольческой армией [7, с. 44].

Подводя итоги данного исследования, необходимо отметить, что советские преобразования 1918 – начала 1920 гг. носили радикальный характер и кардинально изменили лицо отечественной высшей школы. При этом, несмотря на некоторую непоследовательность практических мер, в советских реформах четко прослеживается системность, которая, прежде всего, находит проявление в неизменной ориентации на пролетаризацию вузов и установление жесткого контроля над их функционированием. Важно отметить, что в основу реформы высшего образования были положены как опыт Совнаркома РСФСР, так и собственные наработки советских правительств Украины, вследствие чего здесь была создана специфическая система высших учебных заведений, которая существенно отличалась от российской. Что

касається общей оценки советского опыта образовательных реформ, приобретенного в 1917–1921 гг., то, каким бы подходом мы ни руководствовались, она в любом случае будет неоднозначной. С одной стороны, большевики действительно открыли двери вузов для представителей всех слоев населения и сумели обеспечить функционирование образовательных учреждений в чрезвычайных условиях гражданской войны. С другой – радикальная пролетаризация, гонения против ведущей части профессорско-преподавательского состава, ликвидация классических университетов вели к падению уровня образования и обуславливали определенные тенденции маргинализации высшей школы.

Тема статьи имеет широкие перспективы для дальнейшей научной разработки, основными направлениями которой, на наш взгляд, могут стать комплексное изучение отдельных направлений большевистской политики в образовательной сфере, более детальный анализ взаимоотношений советских органов власти с различными группами вузовской общественности, а также проведение историко-биографических исследований.

Список литературы

1. Вища школа Української РСР за 50 років : у 2 ч. / відп. ред. В. І. Пітов. – К. : Вид-во Київ. ун-ту, 1967. – Ч. 1. – 395 с.
2. Майборода С. В. Державне управління вищою освітою в Україні: структура, функції, тенденції розвитку (1917–1959 рр.) / С. В. Майборода. – К. : Генеза, 2000. – 457 с.
3. Державний архів Харківської області, ф. Р-1630, оп. 1, спр. 105.
4. Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років / В. С. Бакіров, В. П. Духопельников, Б. В. Зайцев. – Х. : Фоліо, 2004. – 750 с.
5. Історія Київського університету. 1834–1959 / відпов. ред. О. З. Жмудський. – К. : Вид-во Київ. ун-ту, 1959. – 629 с.
6. Історія Одеського університету за 100 років : 1865–1965 / відп. ред. О. І. Юрченко. – К. : Вид-во Київ. ун-ту, 1968. – 423 с.
7. Харьковский политехнический университет, 1885–1985. История развития / отв. ред. Н. Ф. Киркач. – Х. : Вища шк., 1985. – 224 с.
8. Державний архів Харківської області, ф. Р-203, оп. 1, спр. 98.